

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

РОДИНЕ

Утро светлее, светлее
Над землей встает.
И в болотце, заветное
Сардине манит зовет.
Ветерок дуновениями
Мне ласкает лицо.
Я дышу с наслаждением,
Хорошо б быть первым!
Затанула бы в голубую
Песню сбегала свою.
Пусть летит она в голубое,
В лучезарном крае,
Над землей необотанном.

Над простором полей,
С васильками и мятой,
С сербром тополой.

Над чинарой и кленами,
Над березой родной.
Над Алушкой зелеными
Пусть летит голос мой.
Гора, что сердце горючее
Мне от роду дано.
Не напрасно исправено —
Людиам служат оно.
Там, где радость живет,
Где ее не дано,

В СВОЙ ЧАС

Вери, сердце мое
Будет долго стучать.
Заклался его
Моя Родина-мать,
Как бессмертный Антей,
Силой и наслесом.
Мне да не захватят ей,
Ей не бить до поклона,
Земле русской моей,
Беспредельной заре
Негадных огней,
Что зажглись в Октябре!
Гр. ДЕРЕВЯНКО.

Вся жизнь гремит
за окнами грозы,
Наш сверкает сознание
непрестанно,
Наша вся жизнь
— лишь слезы на глазах!
Нет, я в своем тревожном
одночасье
Тебя пою,
прозвительная новь:
Сгорит печаль —
и уявится счастье,
Прольется ливень
— и придет любовь.
Уж так оно острожно
на свете,
И этим, жизнью,
ты сердцу дорожи,
В свой час придут:
за осенью — снега,
За утром — десь,
за нами — наши дети.

ОКОП ЗАРОСШИЙ...

Ты в лес пришел
за воздушку и розами,
В стене орешника ты ишьешь
лаз.
И вдруг наткнулся на окоп
на заросшем,
Листовой замаскированный
от глаз.
В него рожками тихо
заглянули,
Его зенитку тишину хранил.
И нет детей в неслетном
кавалете.
Как приятно у Венного огня.
Не надаривается здесь
в праздник медь,
И не становится веник
к гранату.
Окоп. Обычный. Сам себя
хранит от
Никем не подражаемый,
замет.

И все ж он памятник тем,
кто убит,
И тем, кто остыл, кто тут
с лесоток будет.
Он памятник,
не думавший ни быть,
Случайно открывающийся
людям.
Кусты в себя собрали
тенюту,
Лужок видней, но он вот тут
погаснет,
И будет теплый мрак,
и будет ясно,
Что ночь нас окутала
на светлоту.
Саух обострен. На плесе
утка крикнет.
Покежится над рекой куст
лозы,
И скриннет дерево,
и ахнет красным
Глаза асы. А может,
не листья?
Над головой повесит
повиснет тонкий
Летящий жук. Сплетет роса.

Молчащие аула. Между
транков птица
Не проскочит — оглядывая
на тебя.
Все холодно — светало,
не жад и не томится,
Ничто и никого не тропит.
Как загустела бирозовая река,
И желтый куст говит.
В альях не дождае облака
Над головой провозит
отрешено.
Возражая ветер, листья
вороша,
На лонухе пригретом
ищет таств.
И понимает все, все
все душа,
И ничего она не понимает.
Геннадий ЛУТКОВ.
Анатолий ИОНКИН.

ПРИВЫШИНА в Родиновку продотряд пойман в подсолнухах за сломанного красноармейца, десертника и маршера Венюка Релькина. Командир отряда распорядился не сразу расстрелять Релькина, а устроить завтра утром показательный суд военного трибунала, с участием местного населения, и приказал послать маршера в сады, строго охранять.

Всю жизнь свою почти безработным, припиской Бенямины Релькин за эту ночь. Как и солдаты забрал, как Аночье, невеста негражданка, за телом о слезами горячию бежала, как итер переды ваз по зюбам съездила и как потом под шапкой с поной выкладкой на плечу, сумки провала. Бепомоща, как под шарпелем в грязь зарывался, как дрался и наступали неизвестно куда, как миро роднолюбил, и снова солдаты на все фронты ухвала, а он сбитый, затиснул... А потом за-думал, к бараклу потянуло...

новился боец, а рядом прержал коня конвойный, пошел за мажоркой.
Релькину трюкю того и надо было. Скользнула по желтой траве и оказался под мостом. А по доскам покают коньяк; топает сапоги — идет колонна, ведут беды продотрядовцев за деревню Родиновку к незолотым подсолнухам. Зарывал Релькин в землю, исчез в ней, только сердце стучит: — А ведь жить остался! ЖИ-и-о-и!
Пощелала руками — нет на них верхов, даются пальцы. И в яруг рожет послав аспоник, тут его от смерти, — ты спомни, ономы, а дож Релькина (шавс свой последний на жизнь) в пыль выбросил.
— Гнида я. Свуха? Ну и хрен с тобой, подумаешь, праведник. Мушкетир святый... А я при чем?
— Ни в чем врое бы не виноват. Релькин перед продотрядом,

давом, не хватило его что-то за душу, потянуло мучро (может, совесть заговорила, может, стыд заподавал за все случившееся).
Вылез из-под моста, отряхнулся, как мокрый пес, по-смотрел по сторонам — всюду жизнь: васильки цветут, мажорники шепчут — пылят валеке колонна, идут умирать за свою правду комиссары. Он уже было пошел к рощице, сиюшею тут же у реки, но остановился — жилось вокруг искошеная, руками человеческими иструтаная. А почему? Вот ведь как получается — рук не хватат, чтобы урочай жать, а шапки белкою буудт сейчас себе, рубить жизнь... Стоял посреди, жизни Релькин, смотрел и не мог глаз отвести от дороги, по которой веда его сульба.

Не успела за колонной паль оветь, как отравились волея за ней и Релькин. От бутурка к бутурку, от канавки к канавке, где ползком, где перебежками — война всему мучиду: прощел он весь путь по дороге, несши свой большевистский крест, свою красную звезду мучире продотрядовца. Молча шагали они по извисткой пыльной дороге за своим лисым дялькой — командиром. И яркое желтое поле, к которому вел их этот проселок, освещало их путь.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

*** ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЯ**

Что скрывается за катастрофой в Афинах?

Октябрьским воскресным вечером в афинском международном аэропорту потерпел катастрофу самолет швейцарской авиакомпании «Сюэс Эйр», сошедший с взлетной полосы в Цюрихе в Пекине.
Катастрофа вызвала множество критических, ибо расследование вышло ряд за расследованием. Полиция установила, что на борту самолета находились пять свиных контейнеров с радиоактивными изотопами общим весом 500 килограммов. По заявлению авиакомпании, этот груз должен был быть оставлен в Китае. Отправитель же назван не был.
Выяснилось и другое транспортное обстоятельство: в личном багаже пассажиров полиция обнаружила еще один опасный груз — пулю. Он принадлежал одному из пассажиров, который также следовал в китайскую столицу. Представитель «Сюэс Эйр» заявил, что его фирма не была поставлена в извещения о содержимом багажа. Фактически пассажир, которому принадлежал багаж, корреспондентом названа не была под тем предлогом, что «следствие продолжается».
Через три дня пришло из Цюриха письмо от специалиста из федерального Цюрихского исследовательского центра. В письме говорилось, что на борту самолета переоборудован изотопный путоргон. Что же касается самого опасного груза, то здесь эксперты «Демокритоса» не смогли сделать никаких заключений: как

сообщили в афинском аэропорту, кон авец при тайнственных обстоятельствах вскоре после того, как был обнаружен». Загадочные случаи исследования 200 тонн уранового сырья в Китае не самая свежая тема. В конце прошлого года, например, журнал «Шингель» сообщал, что еще в назиде 70-х годов федеральная разведывательная служба (БНД), действовавшая через гамбургскую фирму «Добертин», поставила в Китай пробу уранового концентрата. Журнал «Шингель» оставил без ответа также «определенные» материалы, которые должны были использоваться для изготовления ядерного оружия.
Сообщение «Шингеля» оставило без ответа также «определенные» материалы, которые должны были использоваться для изготовления ядерного оружия. «Шингель» оставил без ответа также «определенные» материалы, которые должны были использоваться для изготовления ядерного оружия.

ябре 1968 года агентами изодольской секретной службы «Мосса» из антверпенского порта грузового судна «Шеерсберг» в его трюмной находилось 200 тонн уранового концентрата, из которого извлечено уран-235 и путоргон-239, необходимые для производства атомной бомбы.
Из материала «дела Плумбата» (таким непонятным образом были маркированы металлические бочки с урановым концентратом) является, что, кроме израильской спецслужбы, за этим грузом охотились и другие. Когда под покровом ночи грузовик с контейнером, одного которого укрывали в шестеро вооруженных людей. После непроходительной схватки (на обочине) осталось шесть грузов.
Прибывшие на место происшествия антверпенские детективы обнаружили у них герон марки «99». Это было основание для версии, что по крайней мере три из убитых принадлежали к гангстерской группе «Чин-Хон», занимающейся контрабандой нефтепродуктов наркотиков из Гонконга в Западный Европу. Антверпенская полиция объяснила дальнейшую схватку «советским шпионским враждебным действиями геронными группами: «жесткой мафии», «резиновой» «капоной» и «китайской». «Чин-Хон» и «капоной» на том расследовании закрыты.
Ну, а контейнер с израильскими агентами был благопо-

лучно погружен на борт «Шеерсберга». Из его трюмов «неизвестном направлении» выпарилось 20 тонн урана. Остатки в 20 тоннах вывезли вместе с транспортном.
При выявлении обстоятельств происшествия судна наибольшую оведомленность проявила израильская разведывательная служба. Ее первой удачло выйти на след аравийского «Шеерсберга» — он стоял на якоре в турецком порту Икандеруе, но уже с наступившим трагизмом «Шеерсберга» в этот момент не поступило из консульства Гельзен Эвартум, нечерпавшего.
Несмотря на глубокое «детективное» погружение обстоятельств «дела Плумбата», уже тогда стало совершенно очевидным: гамбургской фирме «Добертин» в дело с ураном вын на кого ниного, как на Китай. Повторение аналогичных случаев, в том числе и антверпенской катастрофы в Афинах, не могут не вызывать в Афинах, Пекине и Нью-Йорке, Пекине не связя никакими международными обязательствами по контролю за распространением ядерных материалов.

«Дело Плумбата», к которому приложили руку западные разведывательные службы, а также и действующая в Западной Европе «жесткая мафия», и продажа Китаю проб уранового концентрата, предположительно поставленного в 20 тонн, и груз, обнаруженный на потерпевшем аварию швейцарском самолете в Афинах, свидетельствуют о том, что в разработке всех международных соглашений в Пекине безвизьяго контроля продолжает поступать смертоносный груз. А ведь Пекин не раз заявлял, что не имеет секретных технологий, не располагает оборудованием для изготовления ядерного оружия. На том расследовании закрыты.
Ну, а контейнер с израильскими агентами был благопо-

В ПОДСОЛНУХАХ

Рассказ
История Бенямина Релькина...
Вздрогнул копыта, залаяла истопно собака, и по-неслась по саду пальба суматошная...
Да, братцы... Непонятные дела... попытаться разговаривать мучире продотрядовцев Венямины...
Сквозь бурьи и лопухи, через запахи и горячий воздух пробирались Релькин тула, где сели уже продотрядовцы, стали снимать салоги, зогь и вошенье, но в дело стоятся — сапки к смерти готовятся. Облизнул кресток, с делькой своим располовался и стал кучно у стьям амбаравозалком.

*** Корреспонденты АПН сообщают: ПУШКИ ВМЕСТО... КНИГ?**

В Северной Ирландии ширится выступления общественной протва воинствующих нарушений прав человека в провинции, по-разному практикой пыток и истязаний арестованных в тюрьмах и военно-полицейских участках.

Взвешивать после отъезда в Нью-Йорк, я обнаружил в гезде накопившиеся почти письмо президента Центральной Нью-Йоркской публичной библиотеки Ричарда Купера.
А суть письма сводится к следующему: «Библиотеке как-то не хватает средств... Вся информация на фоне вашей деятельности со стороны общественной...
На следующий день (это был четверг) я убедился в том, что панивский тон послания мистера Купера отражает реальную ситуацию. «Мы давно уже закрыты не только по воскресеньям, но и по вторгам, ср., — сонным голосом заявил мне по телефону дежурный мастер. Если вы читаете газету, то, конечно, знаете, что из-за нехватки средств нам пришлось сократить численность персонала...
На полках этой библиотеки, объявив свою деятельность, достигают приблизительно 130 километров, собрано более шести миллионов книг, а в специальных хранилищах можно увидеть около 12 миллионов разных фото- и видеоматериалов; многие из которых уникальны.
Вот только одна проблема: не хватает здесь персонала ни

для составления каталогов, ни для консультаций посетителей. Да и многие новые издания стали для библиотеки, просто не читаемы, например, 6 из 18 миллионов томов, по предметному выражению газеты «Вашингтон пост», «достигли стадии прогрессирующего разложения»; то есть попросту гора гора гнибт, а средства на реставрацию нет и не предвидится.
Послание мистера Купера производило у меня сильное впечатление. Судя по количеству книгохранения, вот-вот не положе, чтобы эту трогательную разгадку в официальном Вашингтоне, так без колебания бросить все новые и новые миллионы долларов в бесчисленный и опасный гобур вымуженый и хлассированый вынуждают крупнейшие научные учреждения обращаться к общественности и протануть нужой. И так, пушки вместо книг.
А. БАСКАКОВ, сооб. корр. АПН. Нью-Йорк.

Свидетельствует пресса: «МЫ БУДЕМ БОРОТЬСЯ»

Журнал «Мида Ист», издающийся в Лондоне, опубликовал письмо своего корреспондента К. Кутчера о палестинской проблеме на Западном берегу реки Иордан.
Агентство печати Новости предлагает ее вниманию читателей с небольшими сокращениями.
На окраине деревни Силвад старик обрабатывает мотыгой поле, и наш фотограф остана- вился, чтобы сделать снимок. Крестянин бросил работу и на- правился к нам, закрыв по-робачку: «Вы хотите сделать фотоснимок? У меня осталось». Он поделил нас за израильских охранителей. Намшему перевод- чиву стояло «ничем трудней объект того, что мы журналисты.

на них не умеет читать, но хо-рошо разбираются в политике. Аиша — одна из таких женщин. Она вспоминает, как в 1969 году израильтяне привели к ней арестованного ее мужа. «В 4 часа утра, — рассказывает она, — она ворвалась в дом, схватила Зинаидию и, соев с ног, стала избивать. Близко к нам тогда сказали, что наши оу- же, законное имя в горах, и узнали его с собой... Спустила- ка-кое время они вернулись, чтобы взорвать дом, где мы жили, и вернуть все, что было нашим сном и старушкой-матерью».
Зинаидия была приговорен к пожизненному тюремному заключению. Сейчас ему 80 лет. Теперь Аиша видит мужа раз в месяц. Свидания длятся полчаса.
Слеза Зинаидии — два сына оседали Аишу, два арестовали в начале прошлого года, а теперь поют от них нет адекват. Младшему — ему 15 лет — предъявлено обвинение в принадлежности к «Волохотому

фронт освобождения Палестины». Другой юноша из Силвады был арестован, когда ему было всего 17 лет. Он был принудительно к организации Фатх. Движению освобождения Палестины. После 12 дней страшных побоев и пыток он подлин- ской признания. Он вярте, на- челась в тюрьму, где он провел 6 месяцев. Через шесть месяцев предстал перед судом и был приговорен к году тюремного заключения. В тюрьме его удостоили лич- ности, есть особые условия, го- ворят, что он принадлежал к «защитной организации».
Римме, маленькой судьюшкой женщины, 71 год. Ее дочь арестовывали дважды. За и са- дились в тюрьму, но она вышла. «В тот день окупались дурью, и Аиша в Силваде много домов и наш тоже, — вспоминает она. — Солдаты сказали мне, что я должна идти с ними в тюрьму. Но я сказала, что я буду в тюрьме, и прежнему будем бороться».
(АПН).

